

УДК 821.161.1

Е. А. Папкина

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
Москва*

Сибирские источники прозы Вс. Иванова начала 1920-х годов

На основании собранных сибирских источников по-новому ставится вопрос о генезисе творчества Вс. Иванова начала 1920-х гг. Рассматриваются три группы источников: фольклорные – устное народное творчество народов Сибири, прежде всего русских переселенцев и казахов; книжные – этнографические работы ученых Г. Н. Потанина и Ч. Ч. Валиханова; историко-политические – события Гражданской войны, увиденные Ивановым на «белом» фронте и ставшие важным материалом для произведений писателя о партизанах. В результате сопоставительного анализа текстов «очерков фронта» Иванова 1919 г. и знаменитой его повести «Бронепоезд 14-69» выявлена переключка тем, мотивов, образов. Отмечено своеобразие постановки проблемы Восток – Запад в произведениях писателя.

Ключевые слова: творчество Вс. Иванова, сибирские источники, фольклор, этнографические труды, Восток, Запад, Гражданская война, мотивы, образы.

Уроженец Сибири, Всеволод Вячеславович Иванов в лучших своих произведениях: повестях «Партизаны» (1921), «Бронепоезд 14-69» (1921), «Цветные ветра» (1922), «Возвращение Будды» (1922), рассказах книг «Седьмой берег» (1922), «Тайное тайных» (1926), «Пустыня Тууб-Коя» (1926), романах «Голубые пески» (1923), «Похождения факира» (1935), «Мы идем в Индию» (1955), очерках «Хмель, или навстречу осенним птицам» (1962) – писал о своей родине. Эта простая мысль в литературоведческих работах о писателе на протяжении XX в., в силу общей направленности филологических исследований времени, а также ограниченности источниковедческого материала и/или невозможности его введения в научный оборот по различным причинам, рассматривалась крайне односторонне, а к началу XXI в. практически совсем ушла из поля зрения исследователей. Современное обращение специалистов-филологов к краеведческой проблематике литературы позволило по-новому поставить проблему сибирских источников прозы Вс. Иванова. В 2006 г. в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН по инициативе и при поддержке чл.-корр. РАН Н. В. Корниенко и при активном участии сына писателя, академика Вяч. Вс. Иванова, началась работа по подготовке к изданию и комментированию корпуса художественных и публи-

Папкина Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (ул. Поварская, 25а, Москва, 121069, Москва; elena.iv@bk.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2015. № 3
© Е. А. Папкина, 2015

цистических текстов писателя 1916–1920 гг. [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 8–169]. При обследовании в 2012–2014 гг. фондов Исторического архива Омской области, Государственного архива Новосибирской области, Омского государственного литературного музея им. Ф. М. Достоевского, отделов редких книг и региональной периодики Омской государственной областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина, Алтайской научной библиотеки им. В. Я. Шишкова (Барнаул), а также газетного фонда РГБ выявлены неизвестные материалы биографии и творчества Иванова, по-новому ставящие вопрос о генезисе его творчества¹.

Нельзя сказать, что творчество Иванова рассматривается в таком контексте впервые. Однако с легкой руки сибирского писателя В. Зазубрина, который не без иронии отмечал: «Все. Иванов из Сибири вывез целые пушные сокровища. В Москве он из вывезенного нашёл себе таких шуб, что сибиряк, встречаясь с ним, только руками разводит. Люди же российские, и притом не искусственные по части этнографии, ему верят безоговорочно, верят, что в Сибири только такие шубы и носят. Не будем и мы опровергать своего земляка. Ведь то, что считается недопустимым в этнографии, допускается в литературе. На этот счёт придуманы даже специальные оправдательные термины – экзотика, романтика и т. д.» [Зазубрин, 1927, с. 203], – реалии ивановской прозы шли в критике и литературоведении 1920–1950-х гг. под знаками «экзотизма», «орнаментализма» и «романтизма». В последующие десятилетия исследователи, прежде всего М. В. Минокин и Е. И. Беленький, поднимали вопрос о реальных сибирских источниках произведений писателя, однако не встречали особенной поддержки среди членов его семьи. Т. В. Иванова, ведя подвижническую работу по изданию книг писателя, ни при жизни, ни после смерти мужа не приветствовала источниковедческих разысканий, касающихся сибирского периода его жизни, хотя щедро делилась с литературными музеями Павлодара и Омска книгами, произведениями искусства и предметами быта из дома Ивановых. Сейчас становится понятным, что такое поведение Тамары Владимировны было продиктовано опасением за судьбу и жизнь Иванова, которые оказались бы под угрозой в случае документирования его, как это называлось тогда, «белого прошлого»².

Сибирские источники творчества Вс. Иванова разнородны. Часть их относится к традициям культуры народов, населявших Сибирь в конце XIX – начале XX в., которые оказали влияние на становление эстетики писателя. Прежде всего, это культурные традиции двух этнических групп – русских крестьян-переселенцев, часто старообрядцев, и казаков, а также казахов, тогда называвшихся киргизами; в меньшей степени это касается алтайцев и бурят. Элементы фольклора и обряды этих народов вошли в художественную ткань произведений Иванова, стали основой для созданных им авторских стилизаций. Другая группа источников – книжные, это произведения сибирских поэтов, писателей, журналистов 1918–1919 гг., а также этнографические труды ученых Сибири (Г. Н. Потанина, Ч. Ч. Валиханова и др.). Наконец, еще одну группу источников произведений писателя сформировала сложная общественно-политическая жизнь Сибири как части России, на территории которой складывались в 1916–1920 гг. силы и движения, сыгравшие важную роль в истории страны, – в частности, сибирское областничество. Всеволод Иванов по складу своей личности не был отшельником: в это время он активно участвовал в общественной и политической жизни, которая нашла отражение

¹ Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований секции языка и литературы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики» (проект «Сибирские народные источники творчества Всеволода Иванова 1916–1925 гг.»).

² См.: [Папкина, 2012, с. 54–70].

в его прозе и публицистике 1910–1920-х гг. Это касается прежде всего событий Гражданской войны, увиденных Ивановым на «белом» фронте. Становление писателя произошло в Сибири, реально соединяющей в себе две цивилизационные модели – Запад и Восток, и эта культурная парадигма придала его творчеству оригинальный характер, сделав его заметным даже в мощном литературном движении XX в.

Сибирскими исследователями М. Минокиным, Л. Пудаловой, Г. Кондаковым, С. Мамаевой и др. в 1960–1980-е гг. написан ряд работ, посвященных особенностям фольклоризма в творчестве Иванова. Подробнее всего рассмотрены «Алтайские сказки» (впервые частично опубликованы: журнал «Возрождение». Омск, 1919, № 2–4; полностью: «Красная новь», 1921, № 2). Все авторы указывают на один источник – «Аносский сборник» произведений алтайского фольклора, записанных Н. Я. Никифоровым от кайчи (сказителя) Чолтыша и изданных в 1915 г. в Омске с предисловием Г. Н. Потанина. Из сказок разных жанров: волшебные, бытовые, сказки о животных, топонимические легенды и предания, – представленных в сборнике, Иванов, как указывает Пудалова, «отдает предпочтение черчкам» (маленьким прозаическим сказкам и легендам), «причем создает черчки новые, оригинальные» [Пудалова, 1976, с. 110].

Назовем еще некоторые сибирские фольклорные источники, по-своему использованные Ивановым в повести «Партизаны». В начале повести Иванов описывает престольный праздник в деревне (по контексту это конец лета 1919 г.): жители пекут блины и шаньги, мужики в новых рубашках сидят на скамейках у ворот, парни ходят под гармошку по деревне. «...Девки в ярких кашемировых платках проголосно пели: “Я иду-иду болотинкой, / Машу-машу рукой, / Черноглазый мой миленочек, / Возьми меня с собой”» [Иванов, 1923, с. 3–5]. Этот же текст включен Ивановым в рассказ «Дед Антон» (1917), описанные события происходят, очевидно, в родном селе автора Лебяжье. Тем же годом датируется статья Иванова «Война и отражение ее в частушках», где «поэзия нашей деревни – частушки» представлена как едва ли не единственная сила, поддерживающая народ в тяжелые времена: «Из бездны страдания пытаются окрылиться при помощи хотя <бы такой>... музыкальной силы как частушка». В тексте статьи приведено десять частушек, последняя – та, что вошла в тексты рассказа и повести, – дается с авторским комментарием: «Провожая милого на войну, Матаня поет, и в голосе ее звенят слезы всех женщин России» [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 117]. Среди изданных сибирских частушек мы не нашли тождественные, но обнаружили близкие. Частушки о Матане (Матанечке) у Иванова: «Ты Матанечка моя, / Молися Богу за меня, / От солдатчины останусь, / Возьму замуж за себя» [Там же] – перекликаются с текстами, записанными в Омской области известным сибирским краеведом и собирателем фольклора Н. Черноковым: «Ты матанюшкина мамонька, / Напой меня водой, / Три я годичка ухаживал / За дочерью твоей» (записано в 1921 г.); «Ты матанечка моя, / Холера куроносая, / Заморозила меня / В одной рубашке босова» (записано в 1956 г.)³. Одно из отличий ивановских частушек от записанных фольклорных в том, что образ Матани (милый), являющейся, как правило, персонажем народных частушек о любви, переходит в частушки о солдатчине. Известная из фольклорного источника первая часть солдатской частушки: «Некруты-некрутики / Ломали в поле прутики / У дороги ставили, / Поминочки оставили»⁴, – у Иванова в статье имеет другие заключительные строки: «Прутики остаточки. / Матанечки солдаточки» [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 117]. Обращение к русским фольклорным источникам (песням, частуш-

³ Омский музей краеведения, 10437/252, № 55, 60.

⁴ Там же, № 58.

кам, заговорам, сказкам и др.) в начале 1920-х гг. стало сознательным художественным выбором писателя, входившего тогда в «восточную группу» содружества «Серапионовы братья» и отстаивавшего, вопреки серапионам-«западникам», национальные традиции в развитии новой литературы.

Для раннего периода творчества Иванова более характерно использование элементов фольклорной образности тюркских народов Сибири. В 1921 г. в омском журнале «Искусство. Журнал искусств, литературы и техники» были напечатаны его «Самокладки киргизские» – четыре стихотворных импровизации в духе казахских сказителей. В Омском государственном краеведческом музее в фонде П. Л. Драверта, выдающегося ученого и поэта, отложилась рукопись этих стихотворений Вс. Тараканова (сибирский псевдоним Иванова), подаренная им Драверту не позднее 1920 г. Помимо опубликованных в журнале, в тетрадь вошли неизвестные ранее стихи «Юрта» и «Жаурын-кора» – заглавие обозначает «гадание на бараньих лопатках, на которых, по преданию, Магомет написал Коран» (примечание автора): «Кизяк пахнет вкусно-вкусно, / А в котле айран кипит. / – Кызымил, ты, вижу, грустна, / Хочешь, будем ворожить. / Вот лопатку от барана / Положи в костер. / Как страница Ал-Корана / Будет вещь узор. / Наш пророк – святое слово / Начертал на них. / Ветер дунет – в сердце снова / Вспыхнет зовый стих. / – Ну, вынимай! / – Не обожгись. / Внимай / Аллаха мысль. / Трещёны (так в автографе. – *Е. П.*) не пересекаются, / Трещёны прямые, как тракт. / – Кызымил, я говорил так. / Будет хороший знак. / – Завари китайского чаю!»⁵ Источником стихотворения является обряд – реальный факт религиозной жизни у некоторых народов Сибири. «Гадание по лопатке у Аларских бурят, – отмечал Г. Н. Потанин, – производит обыкновенно шаман, но он передает их старикам, которые также разбирают черты. Одна сторона лопатки считается холодной, другая теплою. <...> Ответы, даваемые лопаткой, вроде следующих: кражу совершил халун хун, теплый человек, то есть однодворец, или хар-хун, черный человек, то есть чужеродец» [Потанин, 2005, с. 115]. История возникновения обряда рассказана в бурятском предании о ламе, имевшем много книг, раскрыв которые он узнавал все. Во время одной из ночевок в степи он положил книги на землю, и их съели овцы, пасшиеся неподалеку. «Когда вы съели мои книги, пусть мое книжное ведение войдет в ваши тонкие кости, – сказал лама. – Я же обойдусь и без книг» [Сказания бурят..., 1899, с. 87]. Как видно из текста стихотворения, лирический герой Иванова ищет в гадании, скорее, ответ на личный вопрос.

Описание подобного гадания вводится Ивановым в текст романа «Голубые пески» (1923), охватывающего события 1917–1920 гг. в родных для писателя местах. Ближе к финалу романа, когда во 2-й половине 1919 г. белые терпят поражение, казачий атаман Трубычев и потомок ханов Балиханов ведут разговор о родине: «– Какая вам нужна родина. Чокан? – Вы свою родину, атаман, почувствовали давно. Я до тридцати пяти лет жил в Петербурге и думал: моя родина – Россия. А теперь я растерян, мне так легко объяснить – да вот хотя бы беям – что степь должна быть нашей родиной, а не русских. Они очень легко соглашаются со мной и говорят, им не нужно идти с казаками в Россию, если степь их родина». Чокан бросает в костер баранью лопатку: «– Я сейчас гадать буду. Если трещины пересекаются, к зиме мы придем в Россию. – Зачем? <...> Чокан, внезапно гикнув, вонзил шашку в баранью лопатку. Кинул кость на землю и наклонился. – Э! Трещины прямые, как тракт. В России мы не будем, атаман. Я уйду со своими стадами в Индию. <...> По географии я в Индию не попаду. Но стада доведут. Мы пойдем за стадами. Вы же расклетесь перед советским правительством, и, когда

⁵ Омский музей краеведения, архив П. Драверта, 8513/3436, л. 4–4 об.

тысячи дураков с красными флагами в день Октябрьской революции пойдут гадить на улицы, вам, полковник, будет пожалована амнистия» [Иванов, 1925, с. 249–251]. За именем Чокана Балиханова – инженера из рода монгольских ханов, учившегося в Петербурге и занимающегося этнографией, – легко узнается реальное историческое лицо. Это первый казахский ученый, член Императорского русского географического общества, выдающийся этнограф, фольклорист, знаток восточной культуры, путешественник Чокан Чингисович Валиханов (1835–1865), учившийся в юности в Сибирском кадетском корпусе в Омске, а впоследствии посещавший лекции в Петербургском университете. Блистательно начавшаяся научная биография его после 1861 г. – возвращения из Петербурга на родину по болезни – сменилась тяжелыми годами жизни и смертью в отцовском ауле. В романе Иванова Чокан Балиханов стремится к национальному возрождению Монголии. Цель, с которой он обращается к древнему гаданию, – узнать судьбу народа соответствует смыслу, вложенному в обряд, как он описан у прототипа героя – Ч. Валиханова: «...баксы говорят, что лопатка всегда показывает полную судьбу семи народов: смерть царей этих народов, смерть людей... и судьбы путешественников» [Валиханов, 1904, с. 279].

Не исключено, что личность ученого послужила также прототипом инженера Янусова из рассказа писателя «Духмяные степи» (1919), долго жившего вдали от родины и попытавшегося вернуться домой. На вопрос, зачем Янусов едет в родную станицу, отвечает помнивший его с детства дувана Огюс: «Прошел ты, я знаю, большие каменные города и, как путник, видящий марево, не освежит гортани, так ты не напился там жизни. И в степь возвратился». Янусову, не помнящему истории своего рода, Огюс напоминает о его предке: «Заплакала в тебе кровь Кий-Оглы... вот ты и пришел в степь. Принес ей новое слово, которого не знают даже самые старые шаманы Абаканских гор, чтобы не было джута, чтобы не умирали киргизы, как саранча, от сырости». Дувана ждет от человека, впитавшего знание европейской цивилизации, «слова», несущего спасение родному народу. Однако, исходя из художественной логики рассказа молодого писателя, обретенное человеком Востока европейское знание не только не прибавляет мудрости, но и не сохраняет души и памяти о родине. Единственное, на что решается Янусов, это пойти ночью на могилу предка, где его охватывает древнее, из детства знакомое знание-чувство: «...предтеча сильной, влекущей к жертвам мысли». Возникший страх Янусов прогоняет словами из мира цивилизации: «Угол падения равен...» – и той же ночью уезжает из родных мест [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 98–99].

О том, благотворно ли влияет приобщение к другой культуре, конкретно – человека Востока к культуре Запада, Иванов, судя по его произведениям, размышляет много. Показателен приведенный нами пример с двумя формами использования фольклорного мотива – гадания на бараньей лопатке. В самокладке и лирический герой, и девушка Кызымил, к которой он обращается, находятся внутри одной культурной парадигмы и «вещий узор» прочитывается ими одинаково, не вызывая ни размышлений, ни сомнений. Герой романа «Голубые пески» Балиханов, рожденный в казахской степи, уехал в европейский город Петербург, отсюда его замечание: «Там не верят бараньим лопаткам, – не верьте и вы...» Сомнение в мудрости «языка степи», языка своей культуры, возникшее при соприкосновении с чужой культурой, как следует из слов героя, приводит к утрате чувства родины: «Я завидую людям, нашедшим родину...» [Иванов, 1925, с. 251]. К образу человека Востока, не сумевшего с приобщением к европейской культуре подняться на более высокую ступень духовного развития, а, напротив, утратившего духовность и вернувшегося к примитивным инстинктам (монгол Дава-Доржчи), Иванов еще раз вернется в повести «Возвращение Будды» (1922).

Типологически близкие герои, созданные писателем в разные годы, подтверждают его позицию, занятую в давнем диалоге с областниками, мечтавшими о приобщении Сибири, Востока России, к культуре Запада и о создании новой цивилизации. Впрочем, Н. М. Ядринцев, в теории утверждая такую возможность, при рассмотрении явлений реальной жизни приходил к обратным выводам. Так, размышляя над судьбой Чокана Валиханова, он писал: «Это не первая судьба инородца, испившего чашу цивилизации, получившего образование и под конец опять возвратившегося к своим пенатам и сородичам, как бы испугавшись этой цивилизации... в этой боязни и трепете инородца вообще за судьбу своей народности сказывается недоверие инородца к чужой культуре и вспыхнувшее чувство самосохранения. Под влиянием этого инстинкта, вероятно, и Чокан Валиханов сделал последний шаг назад, опять в родную юрту. <...> В его мечтах было совместить европейское просвещение и сохранить свою народность» [Валиханов, 1904, с. XXXIX].

Своеобразие постановки проблемы Восток – Запад в художественном творчестве Вс. Иванова заключается в том, что идеи и образы появлялись в произведениях писателя в те исторические периоды, когда представители научной, философской, политической и эстетической мысли активно обсуждали эти вопросы. В 1910-е гг., когда Иванов входит в литературу, это были областники, в конце 1910-х – начале 1920-х гг., уже в советской России, добавляются новые контексты. Оппозиция Восток – Запад, Азия – Европа затрагивается и новыми идеологами страны (В. И. Лениным, Л. Д. Троцким), и их оппонентами – мыслителями и поэтами группы «Скифы»; русскими философами – «шпенглеринцами», как их тогда называли; обосновывавшими свою концепцию евразийцами. Трудно сказать, являлись ли тексты Иванова рецепцией существовавших идей или были результатом его оригинального мышления, формировавшегося на евразийском пространстве родины. Думается, присутствовало и то и другое: общественные контексты укрепили собственные его размышления, дали им новые, более широкие горизонты. Из современников Иванова в 1920-е гг. обращенность писателя к проблемам Востока и Запада отметил перевальский критик С. Пакентрейгер в рецензии 1927 г. (Печать и революция. 1927. № 3): «Иванов... останавливает свое исключительное внимание на сопоставлении людей Азии и Европы. Он присматривается к перерождению человека Европы и хочет доказать и показать, что перерождение это идет через зверя, через Азию к иной высокой культуре, которую он только предчувствует. <...> Иванов, конечно, не философ, но он принадлежит к тем художникам, которые наделены *чувствами философского восприятия жизни...*» (цит. по: [Папкина, 2012, с. 390–393]).

Произведения о Гражданской войне – наиболее известная и изученная часть творческого наследия Вс. Иванова. Особенно это касается повести и одноименной пьесы «Бронепоезд 14-69», ставшей знаковой для советской литературы. Сибирские источники этих тестов или известны мало (например, материалы, касающиеся работы Иванова в 1919 г. в типографии колчаковской газеты «Вперед», участия в работе литературно-художественного кружка «Единая Россия» и отъезда из Омска вслед за отступающей армией А. В. Колчака) [Папкина, 2014], или вовсе неизвестны. К последним относятся «очерки фронта» «У черты», напечатанные под псевдонимом Вс. Тараканов в ежедневной народной газете «Сибирский казак» (издавалась в Омске Осведомительным отделом Сибирского казачьего войска) в сентябре – начале ноября 1919 г.⁶

⁶ Републикованы частично: [Папкина, 2013].

Известно, что славу Иванову приносят «партизанские повести». Здесь неизбежно возникает вопрос о том личном опыте, который лег в основу массовых сцен повестей. В своих воспоминаниях о встрече с партизанами на станции Ояш Иванов напишет один абзац, из которого явствует, что видел он партизан одну ночь: «Ночью я сидел среди мужиков в жарко натопленной избе, за столом, возле самовара. Передо мной лежали листы бумаги, которые мы принесли из типографии “Вперед”. Мужики устали. <...> Командир вздыхал, ворчал, поворачивался ко мне и начинал, запинаясь на каждом слове и прикрывая рот рукой, диктовать приказ. За ситцевым пологом спали ребяташки...» Далее сразу идет следующая глава, которая начинается фразой: «Я приехал в Петроград из Омска в самом начале 1921 года» [Иванов, 1957, с. 141]. В воспоминаниях писателя Б. Четверикова, вместе с которым Иванов и его жена М. Н. Сеницына едут из Омска на Восток, вообще нет никаких партизан: на станции Ояш часть вагонов поезда красноармейцы поворачивают обратно, в сторону Челябинска, а в Новониколаевске, куда беженцы «в конце концов все-таки добрались», их регистрируют «в профсоюзе печатников» и определяют на работу в Уотнаробраз (цит. по: [Поварцов, 2008, с. 79]). Не следует забывать и признание самого Иванова в автобиографии 1925 г., вычеркнутое при ее редактировании: «Легенды о моей партизанской деятельности надо оставить. Партизан я видел мало, много записывал рассказов о них среди крестьян»⁷. Тем не менее литературные критики разных направлений в начале 1920-х гг. единодушно сходятся на том, что в «партизанских повестях» «мужики у Иванова великолепны и художественно правдивы» [Воронский, 1987, с. 210]. Усомнился в правдивости героев Иванова не литератор, а подлинный руководитель партизанского отряда, В. Яковенко: «...если бы Вс. Иванов хоть немного был знаком с партизанским движением в Сибири, он бы знал, что всюду это движение возникало не случайно и что оно имело определяющую идею – вести организованную борьбу за советскую власть против белогвардейщины» [Яковенко, 1924, с. 5]. Однако голос его не был услышан. Так же как не был услышан голос писателя А. Неверова, чья статья «В кругу заколдованном», напечатанная в калужском журнале «Корабль» в 1923 г., вплоть до 2012 г. не переиздавалась. Неверов художественным чутьем уловил правду «партизанских повестей» Иванова: «Создается впечатление, что главная пружина мужицкого движения только земля, только интересы собственников. Если же это так, то к чему тут Октябрь, большевики? Могло все это случиться и без них, а при несколько измененных обстоятельствах такая борьба за землю могла разразиться у мужиков и с большевиками» (цит. по: [Папкова, 2012, с. 599]).

В реальности, очевидно, так и было. Далее речь пойдет не об основной сюжетной линии повести «Бронепоезд 14-69» – героическом захвате красными партизанами белого бронепоезда, ее источники другие, о них писал сам Иванов [Иванов, 1957, с. 144], а, скорее, о характерах персонажей и символике пространства и времени. Мы не располагаем рукописями очерков «У черты», посылавшихся Ивановым с фронта в газету «Сибирский казак» и, вполне естественно, подвергавшихся редактуре в духе военного времени и общего направления издания (отдельный, еще не документированный вопрос, каким образом Иванов в 1919 г. становится ее военным корреспондентом), но переклички очевидны. Отметим некоторые. «Очерки фронта» сгруппированы вокруг железной дороги: по ней идет поезд, где находится автор-повествователь. Железная дорога – символический центр повести «Бронепоезд 14-69»: по ней движется белый бронепоезд, на остановках около него теснятся беженцы, вокруг – в полях и лесах – скрываются партизаны, атаманы, чехи, японцы. Описание железной дороги похоже в художественном

⁷ РГАЛИ, ф. 2118, оп. 1, ед. хр. 92, л. 1.

и публицистических текстах и устойчиво связано со смертью. В «Бронепоезде»: «За камнем, на восток, на полверсты – реденький кустарник, за кустарником – желтая насыпь железной дороги, похожая на одну бесконечную могилу без крестов» (61)⁸; герои «...смотрят на насыпь, похожую на могильный холм» (73). В очерках: «У полотна, в трех саженьях, в тощем березнячке новые сосновые крестики. – Наши могилы. А вон красные. <...> Не видите, вон две березки переплетены на холмике», – говорит солдат. «Креста нет», – комментирует повествователь. «...Видны следы боев. Окопы, могилы, растормошенные стога сена» (4 нояб.)⁹. Усатый капитан, описанный в одном из очерков, говорит: «...умирать едем» (23 сент.), об этом же думает автор-повествователь: «...неужели, думаю, сюда едут люди со всей Сибири умирать» (30 сент.). В повести «Бронепоезд 14-69» о мужиках-партизанах Иванов напишет: «Их было много, много... И всем почему-то нужно было умирать и лежать вблизи бронепоезда...» (86).

Время действия в очерках четко обозначено. Это сентябрь – ноябрь 1919 г. «Осень» – озаглавлен первый из опубликованных в газете текстов. Прилагательное «осенний» присутствует в описаниях, например: «Пахло с логов запахом осенней земли – густо и бодро» (21 сент.). Казалось бы, в повести другое указание на время: отчет Незеласова о том, что партизанские шайки рассеяны, датирован июлем 1919 г. Однако в самом тексте устойчиво проходит осень: в предсмертных мыслях капитана: «Осина... Осень...» (89); в лирических отступлениях: «Пахнет земля – из-за стали слышно, хоть и двери настезь, душа настезь. Пахнет она травами осенними, тонко, радостно и благословляющее» (94).

Характерные для прозы Иванова начала 1920-х гг. лирические отступления, в которых использовано местоимение «я», вводят в повесть мотивы, звучащие в очерках. Повесть: «Люди тоже идут. Может быть, туда же, может быть, еще дальше... Им надо идти дальше, на то они и люди... – Я говорю, я. Зверем мы рождаемся ночью, зверем! Знаю и радуюсь... Верю...» (94). Описание обоза беженцев включает те же образы: люди, напоминающие зверей, радость, рождающаяся в страданиях. «Беженцы – крестьяне. Запыленные, в армяках и самодельных громадных сапогах. Все старики. – Откуда? – спрашиваю. <...> Эти беженцы напоминают удивительных зверей, которых гонит из лесу все уничтожающий пожар. Такие же тела, пахнущие землей, и такие странно дикие взгляды на незнакомых. И даже от манеры держать чуть вниз голову – веет чем-то древним и радостно-дорогим» (4 окт.). Мужики-партизаны в повести тоже «пахнут скотом и травами» (41).

Общая атмосфера и очерков «У черты», и повести «Бронепоезд № 14-69» – необычное сочетание тоски и радости. Тоской больны не только капитан Незеласов и беженцы, тоска в природе – «в жарких, наполненных тоской, запахах земли и деревьев» (19); о тоске поет Васька Окорок: «Я рассею грусть-тоску по зеленому лужку. / Уродись, моя тоска, мелкой травкой-муравой» (31); партизанский вожак Вершинин чувствует «ослабление тела», «тоскливо и не надеясь на ответ, говорит: – ...Никто не знает, не понимает... Разбудили, побежали. А далее что?.. <...> И в смерть, как в польню, несет людей» (44). Очерки, как и положено корреспондентам с фронта, которые должны вселить веру в победу у читателей военной газеты, полны побасенок, шуток, однако и они насыщены горечью и тоской, звучащей и в настроениях казаков: «Солдат плюется и с тоской глядит на землю» (30 сент.), – и в размышлениях автора: «Опять беженцы. Угнетают ду-

⁸ Все цитаты из повести «Бронепоезд № 14-69» даны по изданию [Иванов, 1923] с указанием страниц в скобках.

⁹ Сибирский казак. Омск, 1919. Далее очерки цитируются в тексте статьи с указанием даты выхода номера газеты в скобках.

шу невыносимо эти громадные, на версты, обозы» (7 окт.). А рядом с тоской и в очерках, и в повести – «шутки, хохот. Опасного положения словно не было» (19 сент.); «вдруг мужики густо, как пшено из мешка, высыпали хохот» (27).

Едущий в поезде корреспондент газеты разговаривает с солдатами, офицерами, беженцами, старухой, которая крестит раненых, бабами, торгующими ягодами. Практически все эти персонажи перейдут в повесть «Бронепоезд 14-69». Например, образ прапорщика Обаба многими своими чертами восходит к реальному казаку – персонажу очерка от 7 октября. Иванов разговаривает с ним на пороге теплушки. «Пожилой, лет сорок, солдат» из Томской губернии Барнаульского уезда, попал в колчаковскую армию не добровольцем – мобилизован. В повести Обаб, крестьянин Барнаульского уезда, тоже не доброволец: «Не моя обязанность думать... я что... лента... обойма...» (11). На коленях у солдата из очерка – котенок, «серенький, востроглазый», наученный подниматься на лапках. В повести серый котенок заменен на серого щенка – «меленький сверточек слабого тела». «Зачем вам? – спрашивает Незеласов. Обаб как-то не по-своему ухмыльнулся: – Живность. В деревне у нас скотина. Я уезда Барнаульского» (50). Еще один персонаж, общий для очерков и повести, а впоследствии занимающий важное место в книге Иванова «Тайное тайных», это старая женщина, жалеющая раненых мужиков. В «Бронепоезде 14-69» появляется «рyбая, маленькая старуха с ковшом святой воды», которая ходила по опушке и с уголька обрызгивала идущих» (79). В очерках дано увиденное Ивановым в реальной жизни, которое, видимо, и послужило основой для художественного текста: «Больные стонут. Какая-то старушка в дубленом полушубке подходит и стоит, крестя одного из беженцев. – Знакомый? – спрашиваю я. Старушка всматривается в подол фартука и отвечает: – Быдто бы знакомый, да кто знат – они, больны-то, все на одно лицо» (7 окт.).

Внутренне близки мужики из очерков и из «Бронепоезда» и своими речевыми оборотами, и отдельными словами («халепы», «парнята» и др.), и темами разговора, подчас неожиданными. Например, в очерках предметом разговора вдруг становится арбуз: «И думал я во все время этой перепалки о том, что хорошо бы поесть сейчас арбузов» (30 сент.), который попадет и в повесть: «У нас в Семипалатинской губернии, брат китаеза, арбуз совсем особенный» (54), – говорит солдатик в голубых обмотках, наблюдающий за происходящим. Он же в другом разговоре произносит: «Дыня на Иртыше плохо родится... больше подсолнух или арбуз. А народ ни злой, ни ласковый... Не знаю, какой народ. – Про народ кто знат? – Сам бог рукой махнул...» (92).

То, о чем в очерках говорится прямо: и красные, и белые солдаты – это мужики, бывает, что из одной и той же деревни, оторванные от земли и в равной степени достойные сострадания. А в повести «Бронепоезд 14-69» и в других произведениях Иванова 1920-х гг. (например, рассказах «Лоскутное озеро», «Анрейша», повести «Гибель Железной», где по покосам будут тосковать «бандиты») Иванов подчеркивает это описанием одной мечты, которой будут томиться все воюющие крестьяне, – вернуться домой, на землю. «– У меня в Сызрани-то земля – скажет старик, персонаж “Бронепоезда”. – А вот поди же ты – бросил. – Жалко? – Известно жалко. А бросил, придется обратно... Обратно идти далеко... очень...» (12). В очерках есть похожие слова солдата: «Устаешь только, а радости мало. Ведь это потом опять надо проходить. Вспомнишь, что такую даль идти – такая злость возьмет, на себя. <...> Гнилой мы народ, хилый. Разве так воевать можно. Наши к красным бегут, а красные к нам» (30 сент.).

Проведенная работа по выявлению реальных сибирских источников затрагивает только несколько лет творчества Вс. Иванова. Это не означает, что источники, как рассмотренные нами, так и те, которые будут выявлены в дальнейшем

процессе исследовательской работы, не играли важной роли в последующем творчестве писателя. С этой точки зрения было бы интересно, как нам представляется, изучение романов Иванова «Похождение факира», «Пархоменко», «Мы идем в Индию» и большого количества «сибирских» рукописей последних лет жизни Иванова – набросков романа, рассказов, сценариев, хранящихся в архиве.

Список литературы

- Валиханов Ч. Ч.* Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова // Записки Императорского географического общества по отделу этнографии. Т. 29. СПб., 1904. 532 с.
- Воронский А. К.* Всеволод Иванов // Воронский А. К. Искусство видеть мир: Портреты. Статьи. М.: Сов. писатель, 1987. С. 200–222.
- Зазубрин В.* Литературная пушнина // Сибирские огни. 1927. № 1. С. 202–206.
- Иванов Вс.* Сопки. Партизанские повести. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 337 с.
- Иванов Вс.* Голубые пески. М.: Круг, 1925. 320 с.
- Иванов Вс.* История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 135–152.
- Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 784 с.
- Папкова Е. А.* Книга Всеволода Иванова «Тайное тайных»: На перекрестке советской идеологии и национальной традиции. М.: ИМЛИ РАН, 2012. 622 с.
- Папкова Е. А.* Сибирская биография Всеволода Иванова // Москва. 2013. № 12. С. 124–130.
- Папкова Е. А.* Сибирь Всеволода Иванова // Вопросы литературы. 2014. № 2. С. 122–135.
- Поварцов С. Н.* Биография, автобиография, жизнь. (К портрету Всеволода Иванова) // Вопросы литературы. 2008. № 6. С. 168–189.
- Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. по поручению Императорского русского географического общества. Вып. 4: Материалы этнографические. Горно-Алтайск, 2005.
- Пудалова Л. А.* Особенности фольклоризма в раннем творчестве Вс. Иванова // Фольклор и литература Сибири. Омск, 1976. С. 100–116.
- Сказания бурят, записанные разными собирателями // Записки Восточно-Сибирского отд. Императорского географического общества. Т. 162. СПб., 1899. 160 с.
- Яковенко В.* Партизанское движение и художественная литература // Известия. 1924. 3 авг. С. 5.

Е. А. Papkova

The Siberian sources of V. Ivanov's prose of the early 1920s

The paper, based on the collected Siberian sources, poses in a new way the problem of the genesis of V. Ivanov's literary works in the early 1920s. Study is made of three groups of sources: folkloristic – people's oral art of Siberian peoples, first of all Russian settlers and Kazakhs; book sources – ethnographic works of the scientists G. N. Potanin and Ch. Ch. Valikhanov; historical-political – the events of the civil war which V. Ivanov saw at the «white» front and which became an important material for the writer's works about partisans. Revealed as a result of a comparative analysis of the texts of V. Ivanov's «front sketches» of 1919 and his famous short novel «Armoured train 14-69» has been a roll-call of themes, motifs, and images. Note has been made of the originality of stating the East-West problem in the said writer's works.

Keywords: V. Ivanov's works, Siberian sources, folklore, ethnographical works, East, West, Civil War, motifs, images.